

Это было самое безумное мгновение сна — неискушённое, но ослепительно-яркое, словно распустившийся диковинный цветок. Для них обоих всё происходило впервые: они действовали неумело, порой неловко, и даже само начало пути казалось им странным и неимоверно трудным.

Как они пришли к этому? От самого начала и до сего мига, через прошлую жизнь и нынешнее воплощение... Жажда, которую Ду Чэнъин питал к человеку перед ним, давно просочилась в самые кости, превратившись в наваждение. Эта неистребимая одержимость заставляла его дрожать от возбуждения, но в то же время он оставался предельно осторожен. Ведь перед ним был его старший брат — сокровище, которое он ценил превыше всего в мире.

Линь Ци низко склонил голову и прикусил губу. Чувство стыда, наконец, вернулось к нему; он плотно зажмурился, и в этой добровольной темноте слух и осязание обострились до предела.

Голос Ду Чэнъина звучал гораздо ниже обычного. В нём слышалась титаническая попытка сохранить самообладание, но глухой рокот, рождавшийся где-то в глубине горла, достигал барабанных перепонок юноши, проникая внутрь тела томительным призывом. Едва уловимая дрожь перекачивалась между ними, и Линь Ци, содрогаясь всем телом, вдруг ощутил укол страха.

— Брат, — Ду Чэнъин почувствовал его мимолётное сопротивление и нежно коснулся губами мочки уха юноши. — Расслабься. Не бойся меня.

Линь Ци ещё ниже опустил голову, сильнее впиваясь зубами в губу. Это было странное, ни на что не похожее чувство. Как и сама его встреча с младшим соучеником — в нём не было неприязни, лишь робкое, незнакомое доселе влечение, которое с каждой секундой становилось всё сильнее. Линь Ци не выдержал и обхватил ладонями лицо Ду Чэнъина. Его губы, на которых выступили капельки крови, прильнули к губам возлюбленного, запечатывая дыхание и общую дрожь в одном поцелуе.

Казалось, с его телом творится что-то неладное: нестерпимый жар медленно плавил его изнутри. Он был подобен плоду, который постепенно наливается соком и созревает, пока нежная кожица не лопается, источая сладостный аромат. Смущение и страх переродились в жажду неизведанного наслаждения.

Ему хотелось большего. Сознание затуманилось, и первобытные инстинкты вновь взяли верх. Простого поцелуя Линь Ци было уже мало: юноша скользнул губами к шее партнёра и осторожно прикусил его кадык, а затем поднял глаза, полные слёз — безмолвное, влажное приглашение.

В душе Ду Чэнъина полыхало пламя. Он изо всех сил старался сдержаться, чтобы огонь страсти не испепелил остатки рассудка. Его старший брат был единственной драгоценностью в его жизни, и он меньше всего на свете хотел причинить ему боль.

Несмотря на всю нежность Ду Чэнъина, Линь Ци горько плакал. И дело было вовсе не в боли — он и сам не понимал, почему слёзы льются таким неиссякаемым потоком.

Свой первый раз он разделил с мужчиной из иного мира.

Судьба, от которой он так отчаянно пытался ускользнуть, всё же настигла его, завершившись этим неизбежным финалом.

Когда всё закончилось, они лежали, тесно прижавшись друг к другу. Ду Чэнъин обнимал Линь Ци со спины; одной рукой он убрал с его лба влажные от пота волосы и замер, вглядываясь в лицо спящего.

Линь Ци покраснел так, будто всю ночь пил крепкое вино. Его припухшие, искусанные губы казались обиженно надутыми.

На губах Ду Чэнъина невольно заиграла улыбка. Он склонился и запечатлел на щеке юноши мягкий поцелуй. Ощувив тепло и нежность его кожи, Ду не удержался и поцеловал его снова.

От этих прикосновений Линь Ци, изнурённый до предела, недовольно шевельнул пальцами. Заметив это мимолётное движение, Ду Чэнъин перехватил его ладонь, покоившуюся на поясице, и переплёл их пальцы. Другой рукой он ласково погладил длинные волосы своего брата и глубоко, с облегчением вздохнул.

Он... наконец-то обладал своим старшим братом.

Специфический аромат в воздухе, следы на теле спящего рядом человека и жгучие царапины на собственной спине — всё подтверждало свершившееся.

И всё же Ду Чэнъину казалось, что это лишь прекрасный сон.

События минувшей ночи всплывали в памяти одно за другим: образ Линь Ци в алом свадебном одеянии... Мужчина непроизвольно коснулся переносицы. Надо же, во время самого действия он не отдавал себе в этом отчёта, но теперь, в своих воспоминаниях, он находил брата невероятно соблазнительным.

Всё это было слишком прекрасно, чтобы быть правдой.

Проснувшись, Линь Ци обнаружил, что всё его тело ниже шеи отказывается повиноваться. Мышцы ныли, налившись свинцовой тяжестью, словно его на всю ночь погрузили в крепкое вино. Боль была терпимой, но ощущение собственного тела казалось пугающе странным —

будто внутри него всё ещё находилось нечто чужеродное. Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как Линь Ци густо покраснел и зажмурился, пытаясь сбежать от реальности.

«О боги... Что за проклятие наложили на него эти цзяожэни? Как он мог вести себя с Ду Чэнъином так... так бесстыдно?!»

— Брат проснулся? — раздался мягкий, низкий голос.

Юноша мгновенно залился краской от лица до самой шеи. Он продолжал лежать с закрытыми глазами, преисполненный решимости притвориться мёртвым: он был совершенно не готов встретиться с Ду Чэнъином лицом к лицу.

Он коснулся кончиками пальцев подрагивающих ресниц Линь Ци. На его губах играла улыбка, но голос звучал печально и приглушённо:

— Неужели брат и впрямь сожалеет о случившемся?

Линь Ци тут же распахнул глаза и, встретившись с лукавым взглядом, понял, что снова попался на уловку.

— Вовсе нет, — пробормотал он, краснея ещё сильнее.

Свой выбор он сделал уже давно. И раз уж он решил отдаться чувствам без остатка, то не станет раскаиваться. Он лишь не ожидал, что всё произойдёт так внезапно и так... бесповоротно.

Даже он сам не предполагал, насколько безумной окажется эта ночь.

Лунный свет, пробивавшийся сквозь щели в крыше, всё ещё стоял у него перед глазами. Эту ночь он не забудет до конца своих дней.

— В первый раз... я не сумел как следует позаботиться о брате, — Ду Чэнъин нежно приложил ладонь к щеке Линь Ци. — В следующий раз я обещаю сделать всё, чтобы тебе было приятнее.

«!!! — Линь Ци едва не задохнулся. — А-а-а, он сейчас просто испарится от стыда!!!»

Если бы он мог сейчас пошевелиться, он бы непременно зарылся с головой в одеяло.

Его действительно взял мужчина.

И делал это всю ночь напролёт.

В порыве жгучего смущения Линь Ци вдруг вспомнил о крайне важном вопросе. Позабыв о всякой стыдливости, он встревоженно спросил:

— Младший брат, а я... я ведь не забеременею?!

Собеседник явно не ожидал такого вопроса. Его уши мгновенно покраснели; он склонился к самому уху Линь Ци и вкрадчиво прошептал:

— А брат хотел бы подарить мне дитя?

На лице Линь Ци было написано решительное «нет». Отдать своё сердце и тело — это одно, но заводить ребёнка... А если он вдруг умрёт? Неужели Ду Чэнъину придётся растить его в одиночку?

«Довольно! — в его воображении тут же возникла эта жуткая картина. — Ду Чэнъин, типичный несчастный герой мужской новеллы, уходит вдаль с младенцем на руках под заунывную музыку. Просто кошмар!»

Заметив, что Линь Ци готов расплакаться, Ду Чэнъин поцеловал его в уголок глаза и негромко рассмеялся:

— Не бойся, этого не случится.

Натянутая струна внутри Линь Ци наконец лопнула, и он с облегчением выдохнул:

— Напугал же ты меня...

Минувшей ночью Ду Чэнъин и сам едва не лишился рассудка от страха. При воспоминании об этом его улыбка немного померкла.

— Тебе нужно отдохнуть несколько дней, — мягко сказал он. — Я сам позабочусь о тебе. Если чего-то захочешь — только скажи.

Линь Ци снова залился краской.

— Я... мне нужно... ну, это... — промямлил он, не в силах выговорить слова.

Только когда Ду Чэнъин приложил ухо к его губам, юноша смог закончить фразу. После этого он плотно сжал рот и отвернулся, не смея смотреть на партнёра.

Удивительно: они уже разделили самую глубокую близость, но он стал стесняться ещё больше.

Тот, выслушав его, негромко рассмеялся.

— Не волнуйся, брат. Пока ты спал, я очень тщательно тебя вымыл. Внутри ничего не осталось.

— Не обязательно говорить об этом так подробно! — глухо отозвался Линь Ци.

— О, — уголки губ Ду Чэнъина снова поползли вверх. — Значит, не осталось.

Линь Ци бросил на него сердитый взгляд, но все слова упрёка застряли в горле, стоило ему увидеть улыбку Ду. Раньше он как-то не замечал, что Ду Чэнъин настолько красив, что его облик способен лишить покоя всё живое. Глядя на него, Линь Ци невольно залюбовался.

Младший брат был невероятно хорош собой. В мире совершенствующихся было немало красавцев, но тот, кто сумел так выделиться среди них, поистине заслуживал сравнения с небожителем.

Линь Ци смотрел на него как замороженный. Его кадык слегка дернулся, он почувствовал, как в горле пересохло.

Ду Чэнъин лишь улыбался в ответ. Если бы это было возможно, он бы вечно смотрел на Линь Ци, забыв обо всём на свете. В этом огромном мире ему не нужно было ничего, кроме этого единственного человека.

«Всё, — в отчаянии подумал Линь Ци, не сводя глаз с Ду. — Я окончательно превратился в сластолюбца».

— Хочешь ещё поспать или ты проголодался? — голос Ду Чэнъина был полон такой нежности, что, казалось, из него можно было выжимать воду.

Линь Ци всё ещё не мог отвести взгляда.

— Не хочу спать. И не голоден, — тихо ответил он. Ему просто хотелось побыть рядом с Ду Чэнъином в этой тишине.

Словно прочитав его мысли, Ду мягко спросил:

— Тогда позволь мне составить тебе компанию?

Линь Ци промолчал, но его глаза радостно заблестели. Мужчина подобрал полы халата, забрался на кровать и осторожно обнял его со спины.

Ощутив за спиной надёжную опору и чувствуя на шее его тёплое дыхание, Линь Ци наконец осознал: они действительно муж и жена. У него появился близкий человек. У него, никогда не имевшего друзей, теперь был настоящий спутник жизни. Счастливая улыбка озарила его лицо. Вскоре его начало клонить в сон — в объятиях Ду он чувствовал себя в такой безопасности, что невольно расслабился.

Спустя три дня отдыха Линь Ци, наконец, смог собрать своё тело воедино. Пришлось признать, что методы совершенствования — великая вещь. Хотя он и не любил воздерживаться от пищи, в критические моменты умение управлять энергией очень помогало. Иначе, если бы Ду Чэнъину пришлось носить его на руках даже по нужде, он бы со стыда в землю зарылся.

Когда его ноги коснулись пола, Линь Ци испытал такую радость, будто восстановился после многолетнего паралича. Ду Чэнъин наблюдал за ним с нескрываемым обожанием, словно заботливый родственник за выздоравливающим. Линь Ци смущённо отвёл взгляд, особенно когда к нему подскочил Уся, держа в зубах охапку сорванных в горах цветов. Сходство с выпиской из больницы стало просто поразительным.

Со смешанными чувствами приняв подарок от Циляня, Линь Ци вдохнул аромат лепестков.

— Очень пахнут, — пробормотал он, всё ещё немного стесняясь.

Водяной Цилянь довольно мяукнул пару раз и, склонив массивную голову, легонько подтолкнул Линь Ци в сторону Ду Чэнъина. Тот вовремя подхватил юношу и прижал к себе. Линь Ци поднял голову, встретившись с его пристальным, сияющим взглядом.

— Брат, поздравляю с законным браком.

Лицо Линь Ци мгновенно стало пунцовым. Он хотел отвернуться, но глаза Ду словно удерживали его.

— С но... но... вым счастьем, — быстро и невнятно пробормотал он в ответ, всё ещё стесняясь произносить эти слова вслух.

Ду Чэнъин весело прищурился, и всё его лицо озарилось мягкой, чистой улыбкой — выражением абсолютного счастья. Линь Ци никогда прежде не видел его таким. Но ещё больше его поразило то, что в глазах Ду он увидел собственное отражение — и его улыбка была в точности такой же.

Оказывается, он был так же счастлив.

Линь Ци почувствовал, как в носу защипало. Он обхватил Ду Чэнъина за шею и спрятал лицо

на его широком плече, скрывая внезапно нахлынувшие чувства.

Тот легонько похлопал его по спине.

— Знаю, сейчас не самый подходящий момент для таких разговоров, но я должен спросить твоего совета. Что нам делать с этими рыбами?

— А? — Линь Ци, погружённый в послесвадебную негу, совсем позабыл о цзяожэнях, из-за которых он три дня не мог пошевелиться.

Море всё ещё было сковано льдом. В застывшей воде, образуя причудливый круг, замерли исполинские рыбы и сами цзяожэни. Их безжизненные чёрные глаза были устремлены на Линь Ци, сидевшего на спине Циляня.

Теперь Линь Ци уже догадывался, в чём дело, вспоминая их песню. Цзяожэни похитили его не без причины. Ду Чэнъин, когда забирал у них ткань, наверняка не предполагал, к каким последствиям это приведёт.

— Всё-таки мы первыми забрали их вещь, — вполголоса заметил Линь Ци, потянув Ду за рукав.

Тот наклонился к самому его уху и прошептал:

— Если бы я опоздал хоть на шаг, в твоём чреве уже зрело бы по меньшей мере несколько тысяч икринок цзяожэней.

«... — Линь Ци лишь безмолвно застыл. — Хватит! Довольно этих подробностей!»

Лицо Линь Ци то бледнело, то заливалось краской.

— Но ведь не созрело же...

Тот иронично вскинул бровь.

— Неужели брат разочарован?

Линь Ци лишь сжал кулаки.

«... — он едва сдержался. — Сейчас он точно даст этому наглецу пинка, чтобы тот пришёл в себя».

Цзяожэни, заточённые во льду, глядя на то, как эти двое воркуют, едва не лишились своих чёрных глаз от ярости. Однако стоило Уся с довольным видом бросить на них холодный взгляд, как они тут же благоразумно отвернулись.

<http://bllate.org/book/15815/1428131>